

*Общеобразовательная школа
с углубленным изучением немецкого языка №1269
г.Москва*

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих работ учеников школы*

выпуск 5

*поэзия и проза на тему
«Поиск смысла жизни»*

2011 г.

*Альманах «Вдохновение»
(выпуск 5)*

*включает творческие работы учеников школы №1269
(поэзия и проза на тему «Поиск смысла жизни»)*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева,
учитель русского языка и литературы*

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.*

А.С.Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир **ВДОХНОВЕННОЙ** личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.

Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*АРЕФЬЕВА Эльвира Александровна,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ*

Дети могут любить ни за что,
Чудеса находить в новом дне.
Вырастая из детства, никто
Уж не верит так в сказку во сне.
 Дети могут увидеть все то,
 Что стараются взрослые скрыть,
 И клянутся себе - ни за что,
 Став большим, как большие не быть.
Что для взрослого сущий пустяк,
Для ребенка, конечно, всерьез.
Полный звуков мир, красок и так
До крушения первого грез.
 Дети зрят, дети слышат и верят.
 Но когда вырастают совсем,
 Открывают в жестокий мир двери,
 Неизбежно хладея ко всем.

Жукова Анастасия

Любовь все принимает, переносит.
Не превозносится, но все же превозносит.
Любовь не мыслит зла и все прощает, гордостью
От истины Любовь не отступает.
 Любовь не ищет своего, но ей даруют,
 Любовь не просит и чужого не ворует.
 Что значит зависть или месть, Любовь не знает
 И гордостью себя не унижает.
Любовь надеется и бескорыстно ждет,
Что счастье тот любимый обретет.
Любовь чиста, над нею страх и смерть не властны.
Любовь есть вера, свет, добро...
Любовь есть счастье.

Жукова Анастасия

Человек торопится от Бога,
Верит только в самого себя:
Оглянуться, осмотреться бы с порога -
Можно верить, только зная, не любя?

И с разбега в пропасти ныряя,
Раз за разом развивается наш век.
Ценность веры понимаем, лишь теряя.
Но торопится от Бога человек.

Она спустилась по лестнице, путаясь в длинных худых ногах, похожих на аистинные. На улице было слишком солнечно для нее. Она щурила большие близорукие глаза, почти черные и такие испуганные, спрятанные за толстыми стеклами очков и опущенные в землю. Подними она глаза — на нее бы обернулись, может быть, даже пожалели бы, если в наше время кто-то кого-то способен жалеть. Не так, свысока, будто извиняясь за то, что тебе больнее, а разделив страдание, взяв на себя хоть каплю, испив из этой чаши хоть глоток. Но она шла вперед. Уткнувшись слегка сгорбленным, будто сутулым носом в серый асфальт, и прохожие видели коротко выстриженный лохматый затылок и усталые узкие плечи, вздрагивающие от каждого резкого звука, каждого окрика, каждого визга тормозов. Она ждала. Ждала приговора своей планете. У нее был шприц. И воздух. И вена. Но все это было слишком просто. Она могла бы умереть под танго Пьяцоллы. Но не сумела. Ужас парализовал ее. И она просто ждала. Это — пункт А рассказа.

Он похож на жертву концлагеря. Выпирающие ребра, худое, изможденное лицо. Но глаза... Нет, не жертвы. Глаза палача. Глаза цвета стали. Но в их глубине, как отражение неба в железном клинке, дрожала боль. Страшная боль, выдающая его слабость. Почему-то хотелось гладить его по голове, как маленького потерявшегося ребенка. Хотелось даже тогда, когда он кричал в лицо гадости, медленно, со вкусом и удовольствием втапывал в грязь, тогда, когда он терял контроль над природной жестокостью. В нем было детство, такое потерянное, как вера в Деда Мороза, как вера в любовь. Как «все будет хорошо», которое слышишь много раз от людей, которым нет дела до твоей боли, и не веришь. Как стихи великих поэтов, умерших в детстве от скарлатины. Была в его тонких аристократичных чертах какая-то обреченность бесполезности, какая-то сказка с грустным концом. Сжатые в кулаки тонкие бледные пальцы уперлись в подоконник больничной палаты. Мозг и нервное, похожее на перепуганную лань сердце работали заодно, стучали в висках судорожными бредовыми мыслями. Такое состояние было давно привычно, но все еще пугало. Он чувствовал приближение obsessions. Очень хотелось, чтобы пришла медсестра и вколола что-нибудь. Неважно ЧТО. Лишь бы облегчить бессмысленность такой жизни. А лучше и вовсе прекратить ее. Это — точка В нашей истории.

Они живут, как в математической задаче. Из точки А в точку В стремятся поезда, плывут навстречу друг другу лодки, идут пешеходы и едут велосипедисты. Вечно. Туда-сюда. Туда-сюда. Но расстояние между А и В никогда не уменьшится. Вечная разлука. Они — как одинаково заряженные частицы. Одинокие. Плюс и плюс. Минус и минус. Две точки, не находящиеся в одной плоскости. Две параллельные прямые слишком похожие, чтобы когда-нибудь, на плоскости, в одной точке Декартовой системы координат, пересечься. Иногда она была даже рада, что все так. Так неизбежно. Что все обречено. Что все, как в стихах у Бродского. Какое-то мазохистское наслаждение получала она, разглядывая в мельчайших подробностях доказательства невозможности хоть когда-нибудь пересечься в плоскости жизни. Ему было все равно.

Маргарита Русакова

Картины Евгении Коваленко из серии «Жизнь...»

«Светофор жизни», 1999

«Мельница жизни», 1998

«Лабиринт жизни», 1999

«Маска жизни», 1999

Я не пишу легко и гладко.
Я просто думаю о прошлом.
Мои слова горьки, не сладки,
Быть сладким - это просто пошло.

Не напишу я о проблемах,
Не напишу, как их решить,
А напишу о жизни в целом,
О том, как научиться жить!

Пускай безветренна погода,
Но я не верю в чудеса.
Стихия в это время года
Всегда внезапна и страшна.

От мудрых слов уже нет толка.
И смысл их за стеной дождя,
А дома пусто. Только полка
Удержит в памяти тебя.

В обычной рамке под стеклом
Сокрыто тонким слоем пыли
Все то, что было так давно,
И тот, кого боготворила.

А лето осенью сменилось,
Зима же сменится весной.
Я снова в вихре закружилась,
Но только больше не с тобой!

Забыть, конечно, я не в силах
Твою улыбку, взгляд и смех,
И то, как отвергала всех.
Оставив длинный яркий след.
Моя любовь ведь так же тлела,
И будет тлеть еще сто лет.

От искры вдруг не вспыхнет пламя,
Не запылают вновь глаза,
И не начнется все сначала,
Прошла любовная гроза.

Я напишу легко и просто.
Сейчас важнее простота.
Я не сожгу ни капли воска,
Жизнь, как свеча, так коротка!

Кривина Таусия

Ich bin Narkoscha

Первородный грех — слабость человеческой души.

Знаете, надо прожить жизнь, чтобы понять, что такое первородный грех. Видимо я прожил свою жизнь. По крайней мере, суть его я понял.

Наркоманы. Наркоманы. Наркоманы.

Или же наркофаги. Уже к грибам ближе. Нелюди.

Стреляешь сигарету за сигаретой, а вокруг тебя течет жизнь. Течет жизнь, которая к тебе уже не имеет никакого отношения. Ты погибаешь под давящей на тебя смолой и под тупым как бревно никотином. Жизнь короче, чем кажется.

А кофе. Или же просто наркотические вещества.

Алкоголь.

Мне страшно и больно, но больше страшно, ведь я примеряю все на себя. Не могу с собой ничего поделать. Но и не смогла бы выжить в таких условиях. По крайней мере не так. Точно не так.

Вам больно... вам больно и вы пьете. Или курите. Или нюхаете, а может быть, жарите себе грибочки. Не знаю. И в этот момент гибнут ваши близкие.

Если бы каждый пережил маленькую смерть, то наверно, у человечества возникли бы мозги.

Меня тошнит от происходящего вокруг. Я давал себе много обещаний, но некоторые становятся аксиомами, возводятся в степень. Требуются жертвы? На такие жертвы я пойду, точнее я пойду на любые жертвы.

Я возник не случайно именно в таких условиях. Тебя будут ласкать лишь до определенного момента. А потом пойдут жесткие побои пощечины. В первую очередь от семьи. Затем от самых близких людей. Это нормально, без этого нельзя. Вопрос в другом. Прекратится ли это, или придется прекращать(ся)?

Не могу не выразить своего одобрения безнадежным романтикам и идеалистам. Пока вы живете в розоватом хаосе, мы погибаем в пепельном. Это настолько норма, что даже не страшно. Страх нет и страху нет.

Человек слаб на пороки, но его слабость на привычки и привязанности сильнее всех пороков во много раз. Не скажу, что я боюсь, но страх, да именно страх. Первородный тормоз. Если честно, если бы человек ничего не боялся, то человек был точно животным. Да и то каким-нибудь одноклеточным. Если подумать, то выйти из круга П.Г. можно лишь перерубив в себе старые привычки и привязанности.

Смогу ли я? Хочу возвести это в ранг экспериментального, но, пожалуй, тогда я лишусь чего-то важного и дорогого.

Аха. Бьем себя по лбу и понимаем. И я там же. Мы все уже там.

Цепи. Цепи. Цепи.

Я в очередной раз уверяюсь, что жизнь это длинная цепь. Выбраться, и в очередной раз любимый до тошноты вопрос. Как?!

Молчанова Дарья

Я трясся, немел, отрекался от клятв,
Но не находил среди них самой веской,
А образ ее возвращал меня в явь,
И ветер махал мне в окно занавеской.

И нас окружал по ночам дикий грохот,
И улицы были дождями политы.
Вопрос задавался порой только вздохом:
«А что будет с нами, гранитные плиты?»

Вокруг нависал и кружил темный космос,
Деревья, кряхтя, танцевали балет.
И в этом порой проступал тонкий образ,
Как будто предмет переходит в предмет.

А листья кружились все дни напролет,
Устои шатались и сквозняки выли.
И знать нам хотелось, это кто ж так поет
В ночи, подметая собой мостовые?

Теченья неслись и, тихонько бурля,
Стекали по литру из труб водосточных.
И каждая капля забавы лишь для
В который уж раз находила источник.

И плакал таком разметавшийся флаг,
Казавшийся нам почерневшею коркой,
А через стекло вид на архипелаг
Сиял в темноте сквозь оконную створку.

Осень. Чистый ее голос
Вдоль заборов шелестит.
На скамеечке устроясь,
Ждем упрямо до шести.

Столь коротенький отрезок
Бьется в сердце раз в году.
Голос дрожью своей резок.
Приложил ладонь ко рту.

Все темнеет. Где ты, где ты?
Снова капли. Ах, чудно!
Всех оградок силуэты
Смылись в темное пятно.

И летают мимо капли.
И деревья в долгом танце.
На секунду снова встали.
Ждут от осени оваций.

Сухов Михаил

Что делать...

Что делать, если не к чему стремиться?
Что делать, если боль уж не стерпеть?
Закрывать глаза и горю покориться,
Ведь не приятно нам на мир смотреть.

Как быть, когда опоры рядом нету?
Как быть, когда вскружилась голова?
И попроситься хочется со светом,
Все потому, что ты не хочешь быть одна.

Как поступить когда тебе солгали?
Когда позора тебе, нет, не избежать?
Когда и счастье, и любовь с надеждой убежали,
Не захотя поступок подлый объяснять!

Зачем надеяться, когда надежды больше нет.
Зачем любить того, кто нас не любит.
Зачем гадать, коль наперед знаем ответ.
И помнить тех, кто нас, конечно позабудет!

Панькина Анна

Ответ Блоку

О кто же ты? Иль дева Ночи?
Или звезда грядущих дней?
Что нам сияние пророчит
Раскосых пламенных очей?

Средь тьмы твой видел саван белый,
Твой голос слышал я в ночи.
Я жить устал, мой вздох — несмелый,
Быть светлым, Дева, научи!

Да, путь тяжел, мы знаем это.
Но жертвой силы не пади,
О дай мечту душе поэта,
Свечу зажги в моей груди!

И я пойду с Тобой до края,
Где степь поет, и ковыли...
Где кобылица молодая
Сквозь кровь ведет к святой любви.

Исаева Анна

Вся комната полна прохладой,
И под далекий едкий свист
Войдет она, и, севши рядом,
Возьмет ладонью его кисть.
Рисунок не готов. Позволить
Дорисовать его нельзя,
Ведь это будет равно боли
Вскользь сбитого ладьей ферзя.

Перед холстом еще художник.
Чуть-чуть заполнив белый холст
Сидит он, положив кисть в ножны,
И пьет спокойно свежий морс.
Он выведет на полотне аллею
Длиной не менее версты.
Там — все светлей, и чуть белеют
Вдаль переникшие мосты.

С рисунком рядом можно греться,
И лишь услышав сонный гром,
Возможно робко думать сердцем,
Быть может, выпив жаркий ром...
И целый час (никак не меньше)
Могу вести упорный счет,
Считая, сколько тусклых женщин
За час бульвар пересечет.

Под вечер или даже ночью
Могу смотреть на все картины
И видеть сквозь ресницы клочья
Тонких теней от паутины.
В такое время можно верить
В то, что лишь сонная волна
Без скрипа приоткроет двери,
И скромно в них войдет она.

И тихий сон, как из ракушки
Неиссякаемых идей
Покажет вновь, как та девчушка
Распишет кончики ногтей.
На самом деле дорисовка
Все меньше за собой влечет,
И дефицит движений ловких
Лишь мучает порой плечо.

И все ж — как важен первый промах,
И те, кому не довелось
Найти в свой первый раз искомых,
Пробиты разом и насквозь.

Сухов Михаил

Отрывок из пьесы «Любовь и голуби»...

...Идет листопад. На скамейке сидит мужчина 35-40 лет и кормит голубей. По аллее идет девушка. Подходит к нему.

ОН: Вы ко мне?

ОНА: (бежала, шла быстро и вдруг подошла к нему): Я, вообще, опаздываю, у меня зачет по астрономии, но почему-то я остановилась, почему?

ОН: Откуда же я знаю?

ОНА: Мне дальше идти?

ОН: Вы же торопитесь?

ОНА: Извините (идет, возвращается). У меня тоже есть булка для голубей.

Возьмите.

ОН: Любовь и голуби. Покормите их сами, если хотите, конечно.

ОНА: Почему вы не удивились, что я подошла?

ОН: Сил нет удивляться. Удивишься, а потом хочется узнать, что, да почему. Зачем? Старые удивления распутать никак не могу. Не смотрите вы так. Не удивляйтесь. Вы, просто, открытая девушка и можете совершать такие поступки.

ОНА: Какие – такие? Я же вас не компрометирую.

ОН: Чуть-чуть. Перед голубями.

ОНА: Главное, не перед любовью. Можно я останусь?

ОН: Вы уже остались. Мир, ну и я, как его часть, разрешительный механизм, а запретительный должен быть внутри вас – от этого никуда не деться.

(Они вместе кормят голубей. Он встает и машет ей)...

Коваленко Евгения

Я хотел быть свободным, как небо!
Я хотел быть как лучик в огне!
Я хотел дотемна возвращаться
В ясный дом, где тоскуют по мне...

Я хотел жить до самого неба
По любви, никого не виня,
И любить... и надеяться мне бы...
Только смерть полюбила меня.

По пустынным степям, по пороше...
Я ослеп? Или нет фонарей?
Весь иззябший, с тяжёлою ношей...
Боже мой! Если можешь – согрей.

«Виноват». Это слово как рана.
«Виноват»? Так распни ровно в семь.
Мне тернового рая, знать, рано,
Но и жить не умею совсем.

Знаю: в Радости есть всё от Бога,
В этой Радости – неба глоток.
Из пустыни до Отчего дома
Сколько лет? – мне не ведом тот срок.

Вот вам крылья печального рая!
Жизнь с разбега летела стрелой
Мама! Мама! Ты знаешь, родная,
Я молитвой твоею живой!

Спирин Александр

Неразумное племя

Проходит время
Пролетают грозы
В тяжелое бремя -
Куча вопросов.
Заходим в тупик,
Ищем выход оттуда
Чей-то образ возник
Мы такими же будем!
Пытаемся любить,
Но не любим — обидно,
Не хочется жить.
Жить без цели противно.
Мы болеем мечтами,
Что-то ищем все время
Виноваты ведь сами
НЕ РАЗУМНОЕ племя!!!

Панькина Анна

Вечер

Вновь прячется солнце за горизонт.
Еще один кончился день.
Опять мне сегодня не повезло.
Забот повседневных моих канитель
Мешает уснуть, как назло,
На плечи ложится, как тень.
Опять мне сегодня не повезло!
Еще один кончился день...

Хосаинова Ольга

Дождь

Я сижу и смотрю в окно...
Никого на улице нет...
Там, снаружи, - грустно, темно...
Будто кто-то выключил свет...
Там, снаружи, идет дождь,
Дождь смывает остатки дня...
Боль тупая — воткнут нож
В сердце, где нету огня...
Пожалуйста, выйди во двор
И включи в поднебесье свет!
Но нет... Этот свет украл вор,
Что ворует уже много лет...
Я знаю, я правду открыла:
Имя этому вору дано:
Дождь... Это он украл
Свет, и теперь темно...
Но одна светлая мысль
Мою голову вдруг посетила,
Я вышла на улицу, к выси
Я лицо свое обратила...
Капли крупные вора-дождя
На лицо мое полетели...
Поняла я: нет у меня
Больше чувства света потери...
Больше нет... Я стою, стою...
Дождь насквозь меня пропитал...
Слезы тихо от счастья лью...
Дождь слезы и капли смешал...
Я уже даже не замечаю,
Что я вся промокла насквозь...
Слезы лить я уже кончаю...
Теперь слезы и капли врозь...
Я сижу и смотрю в окно...
Солнце на улице светит...
Ясно, ярко, жарко, светло...
Но кто на вопрос мой ответит?
Где же дождь, куда свежесть пропала?
Я снова схожу с ума...
Без дождя я совсем больная...
Солнце, лето... Дождя тюрьма...
Солнце тучи прочь прогнало...
Я смотрю: люди этому рады...
Но , на мой взгляд, слишком светло...
Не хватает дождя или града...
Где же дождь, куда свежесть пропала?
И зачем это солнце вышло?
Ответы я долго искала...
Но до сих пор...ответов... не слышно.

Себенцова Анна

Я буду жить...

Жестокий мир нас бьет ногами,
Мы не противимся ему,
Нас завалило всех грехами,
Нам объявляет жизнь войну...

Я буду жить и не бояться
Сказать: «Я здесь!»,
Хоть все молчат.
Я хочу быть, а не казаться,
Как человек среди волчат!

Я буду бить и не сдаваться,
Борясь за личный пьедестал.
До смерти буду с миром драться,
Чтобы он жизнь мою отдал!

Я не сломаюсь, я не стану
Просить о помощи других.
Разодранная в кровь я встану,
Не вспоминая грез своих...

Черняевская Марина

Мы не живем, мы существуем.
Все роли сыграны за нас
И жизнь свою мы все рисуем
Лишь для отвода чуждых глаз.

Мы улыбаемся для массы,
Кутим, гуляем. Пьем вино.
Нас поделили всех на расы,
В нас жизни нет давным-давно.

Мы говорим, что верим в чудо,
Что любим жизнь или людей,
Не понимая, как же грубо
Кричать о жизни среди смертей.

Храним гримасу повседневно,
Зовем друзей за пышный стол,
Чтоб не постигнуть жар горенья,
Пройдя чрез все земных семь зол.

Черняевская Марина

Маяковскому или любимому

Посвящаю Тебе эти строки,
Правда, я
не знаю ТЕБЯ,
но сегодня ночью
буду, наверное, твоя.
На большой кровати.
В россыпи слов
тебе места мало.
А мне нужна лишь твоя любовь.
Ты такой большой и грубый,
Только нежность изо всех пор
Так томно обволакивает...
Боюсь удушения,
Ведь смерть — приговор.
Ты думается. Ударишь,
а на самом деле,
к щеке-прикосновение-
так приятно, но страшно.
Смысл в тебе или во мне?!
Ты все еще медведь
в шкуре,
а я ребенок,
ждущий безумий.
Я пою свои песни
на лунном языке,
а у тебя любовь — громада
и огромная постель.
Но на ней меня нет
и тебе там нет места,
Ведь завтра там будет иная
Невеста.

Молчанова Дарья

Сказала тень лукаво мне,
Что есть мальчишка на луне,
Что счастлив он, живя один,
Что просто он людьми гоним.

Гоним из злобы и тоски,
Из зависти и злости,
Что счастлив он в своем мирке,
Что не доступен вовсе.

Хочу к нему, чтоб разгадать
Все тайны мира, судеб.
Хочу к нему, чтобы понять,
Куда идем мы, люди!

Александра Жебенева

Звуки

Дождь идет за окном,
Птицы где-то галдят,
И колеса машин
По асфальту шуршат.
Торопливые стрелки
Часов говорливых
Мягко тикают в свете
Лампадок старинных.
Я лежу, не дыша,
Напрягая свой слух,
Каждой частью себя
Я ловлю всякий звук
Я рисую картину,
Как будто художник,
Я сплетаю все нити
Звуков тихих, тревожных.
И рисует мечта
В полумраке квартиры
Картину любви
И спокойствия в мире.

Себенцова Анна

В вишневой дымке сумерек ночных,
В их алых бликах, город лижущих,
Ищи меня среди лучей живых,
На землю свет прощальный брызжущих.
Когда увидишь, как бушует Лан,
Где духи лиц, давно уж сгинувших,
Вплетаются в печальный караван,
Найди мой лик, меж ними выживший.

В молчанье улиц и в тиши ночей
Из букв сложи звучанье имени,
Что сладостных покой душе твоей
Дарило в мире, мной покинутом.
В эфирных струях с запахом дождя
Плывет душа все так же любящей,
Чтоб в этом городе найти тебя,
Идущего по узкой улице.

В толпе людей, стоящих в стороне,
Ищи глаза, с моими схожие,
Я через них вновь улыбнусь тебе
И растворюсь между прохожими...

Авдеева Ирина

Зачем судьба столкнуть с тобой решила,
Что в этом знаке есть для нас двоих?
Чего нам вечность так и не простила?
О чем молчать заставим мы глухих?

Куда идут теперь наши дороги
По указанью разных векторов?
И возрастов болотные пороги
Когда мы сможем перейти мы вброд?
Зачем приходят люди на мгновенье,
А через двадцать лет уходят вновь?
Зачем они вселяют в тех сомненье,
Чья голова сединами пойдет?

Они приходят к тем, кто ищет света,
Несут с собой потерянный огонь,
И жизнь их есть летящая комета,
Отпущенная смертью в мир живой...
И в этом есть жестокость их явления,
Что ими принесенный нам огонь,
Без них не может вырваться из тленья,
И будет в душах наших только стон.

Но не противьтесь вы душевной боли,
То есть ожог от вспыхнувших комет,
А дух того, кого нет с вами боле,
Есть в письмах без надежды на ответ...

Авдеева Ирина

Тепло, тепло, тепло. Три самых созревших слова вновь и вновь повторяются одно за другим. И все они от нее. У кого-то с первого взгляда, у кого-то каждый раз с последнего...

А ведь невозможность ее движений, ее взгляда, ее черт с каждым днем становится все более ощутимой.

Устраиваемый ею переполох всех лучших чувств может сравниться с порывами движений той птицы, что раз за разом пытается взлететь, но все же не может. Только вот когда видишь подобную птицу — становится ее жалко, а вот душу свою пожалеть никак не получается, потому что знаешь, что все переживаемое ею в данный момент есть не более чем крохотная часть от того, что вообще можно получить на свою долю.

Да, больно. Немножечко, совсем чуть-чуть, и даже в какой-то степени жгуче. Но как же радостно!

А она еще и приговаривает: «Добрый ты, добрый...!»! Того и жду. Собственно, ожидание и превращается в ту самую драгоценную из всех последних соломинок. Цепляйся — и будет тебе счастье. Все просто.

А надежда и вправду глупое чувство. Некое совсем странное переходное состояние между уверенностью и горькой обреченностью.

Ах, как же все бесконечно чудесно, нежно да светло!

Как же, что же это за красота такая? Красота — везде, но и нигде. А как же иначе? Везде, потому что она очевидна, чиста и легко воспринимается, а нигде, потому что сколько ты не старайся понять, в чем же она заключена и где она прячется, а все равно не скажешь!

В глазах? И в них тоже, в любимых, но и не только... Да и слово «заключена» по отношению к столь чудотворному слову «красота» кажется безмерно грубым.

Не в глазах. И не в лице. И не где-нибудь еще. Не человеческого ума это дело, такие вещи пытаться понять. Да и вовсе не дело. Просто происходит чудо, а чудо — оно из другой материи да и совсем от иной природы. Вот если станет вдруг будущее совершенно известным, то и не будущее это будет вовсе, а самое что ни на есть настоящее или по крайней мере часть его. То же и с красотой.

Глядите, вот за окном куст растет — попытайтесь его понять. А красоту просто созерцайте, ведь все потуги разгадать ее будут подобны жалким попыткам зачерпнуть кружкой лучи уходящего за горизонт солнца.

И с ней то же самое. Что толку тянуться руками к водопаду ее волос и к замысловатым преобразованиям света на ее лице, коли все это есть лишь что-то неудовлетворенное вроде страсти или, что и того хуже, какой-нибудь ревности?

А она подобна дождю. Неожиданна, но своевременна.

Тепла и прохладна.

Иногда уколется, а иногда и пробежит по тебе прозрачной капелькой. Чем не хорошо?

А еще дождь имеет неопишимо прекрасное свойство постукивать и журчать, то есть нести с собой все те единственные и незабываемые звуки, которые стучат, льются и шелестят в голове при постоянном повторении ее имени.

Ну не чудо ли?

И как же здесь не вспомнить об одиночестве? Совершенно невозможно и даже немыслимо! Одиночество — уж не является ли это расчудесное явление зависимостью от себя самого? Да и где же еще, если не в одиночестве, так ярко сочетаются трагедия и радость?

Наверняка, ведь каждому отчаявшемуся человеку приходила в голову мысль, что в дожде можно раствориться так же легко, как можно раствориться в одном-единственном миге чужой жизни. Хотя, как сказать!

Что есть чужая жизнь — вот в чем важно разобраться. Любая жизнь, кроме твоей собственной — она, конечно, другая, но вот чужая ли?

Все это очень даже знакомо. А как твоя жизнь может быть всем чужой, если всегда может найтись такой человек, который с превеликой радостью проживет ее за тебя и совсем в ней не увязнет и не растворится, а напротив — обретет радость, и будет эта радость такой необъятной, что он вряд ли и вспомнит, где он ее такую взял.

Вывод — не жалуйся. «Жалобы на жизнь». Совсем не звучит.

Сухов Михаил

Добро и зло, как солнце с ночью,
Кто победит, отнюдь не суть.
Ведь главное — не утонуть.
В мерцанье лжи и лицемерства,
В жестоком мире людских судеб.
Остаться человеком — вот проблема,
Себя найти и не упасть
И не забыть себе сказать,
Что есть на свете те мгновенья,
Ради которых нужно ждать,
Когда засветит солнце ярко
И не придется выбирать:
За кем идти, кого держаться,
Кто победит — отнюдь не суть,
Ведь главное — не утонуть!

Жебенева Анна

Звезды

Ночь уже наступила,
Глубока и темна.
Смотрят звезды-светила,
Не жалея тепла.

И у них век недолог,
Обреченно живут,
Смотрят звезды-светила
И о чем-то поют.

Песня эта прекрасна,
Горделива грустна,
Как и жизнь, песнь красива,
Но опасна она.

И безмолвно стенанье
Одиноких светил
Лишь поймет их изгнанник,
Тот, кто в ночь ту ходил.

Умирают светила,
Что безмолвно кричат,
Только путник уныло
Можем им отвечать.

И у звезд век недолог,
Обреченно живут,
Смотрят звезды-светила
И о чем-то поют.

Зайцева Ольга

Кирпичики

Сегодня ты вновь на своем месте. Ты стоишь на ногах и шепчешься с ветром, как со старым знакомым. Новая жизнь, о которой ты мечтал, все как-то не начинается, но ты постепенно свыкаешься с этой мыслью.

- Да кому она нужна? Я же и так счастлив!

Ошибка большинства. Или вы кирпич, или цемент. Причем здесь нет явного преимущества. Кем бы ты ни был, ты все равно прослойка. Просто как-то страшно быть кирпичом, который хоть и прав, но может быть разрешен одним ударом. А цемент... что с ним, в сущности, сделают? Он все равно мертвяк. И ничего более.

Кричать: Люди! Люди! - бесполезно, это знает каждый.

Пробуждать мертвецов удел каких-нибудь шаманов, колдунов и прочей нечисти. Наше дело не давать этому случиться. Кхм... пробуждению или все-таки омертвлению?

Ну, если забыть о том, что иногда гибнет что-то родное, то в принципе от нас ничего не требуется. Смотрите и наслаждайтесь.

Вы же ДРУГИЕ.

Ха. И еще раз Ха!

Другие — не другие, это уже отговорки. Во-первых, никаких «иных» не существует. Да, мы можем, друг от друга отличаться какими-либо внутренними измышлениями или как это называется, но суть все равно та же.

Мы учимся и учим, хотим быть любимыми и любим, все перешагиваем в определенный момент черту, которая отгораживала нас от осознания себя как личностей, а потом растворяемся в пустоте.

И ничего более. А да, еще кто-то оставляет за собой шлейф из своей философии, которую потом перенимают потомки, говоря, что-то вроде этого:

Он — гений! Посмотрите на его творения! Это же целая философия!

Хотите шутку?

А мы все комочки философии. Узелком за узелком и вот оно — настоящее кружево безумия, апатии и лени.

Просто совмещать, как всегда, собственно.

А ничего просто не бывает. Коли ты стал думать как живой человек, то не позволяй ничему и никому загнать тебя в рамки. Внутренняя свобода, порой, гораздо важнее внешней.

И да, если ты убегаешь от проблемы, ты — никто. И зовут тебя НИКАК.

Пора бы научиться людям жить. Чтобы ни было, всё к лучшему.

Каждый день как маленькая жизнь, поэтому все старое должно забываться, ведь будущее прекрасно как не говори.

И да, если ты даешь какую-то клятву самому себе, то не сможешь предать ее.

Значит, лишь на клятвах пока живет мир. Пусть живет.

Если даже мы все погибнем, мы останемся живы.

«В ТЕАТРЕ ТЕНЕЙ СЕГОДНЯ ТЕМНО,
ТЕАТР СЕГОДНЯ СПИТ...».

Молчанова Дарья

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г окончила с золотой медалью школу №1269 г.Москвы. Выпускница МГУ им.Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» ТВ Центр (Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г.Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка,25), в музее Эклибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Аквамарин» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В.Высоцкого, реж. Р.Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности -21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2011 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» (в школе №1269, 3-я Владимирская ул, 26а) получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования (№229).

Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Музей поддерживает постоянные контакты с Московским музеем современного искусства (Петровка, 25), в экспозиции которого находится большая коллекция картин Евгении Коваленко.

В планах музея — ежегодный выпуск Альманаха с лучшими творческими работами учеников школы №1269.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: (495) 305-70-20

<http://www.netslova.ru/kovalenko/>
<http://www.artinfo.ru>
<http://istoria.pochta.ru>
<http://dsd1269.ucoz.ru>

Евгения Коваленко. Эскизы из серии «Танец», 1999

Из жизни школы № 1269

